

Review

Тематическое приложение к газете **Коммерсантъ**

Арт-рынок

Четверг 9 февраля 2017 №24 (6018 с момента возобновления издания)

kommersant.ru

- 13

За десять лет суммарный объем продаж произведений искусства в денежном выражении во всем мире вырос почти в три раза, тогда как количество сделок увеличилось менее чем на четверть
- 14

Инвестор должен понимать, что на рынке искусства рисков гораздо больше, чем на многих других. Здесь менее прозрачные сделки, существует проблема с экспертизой, заметную долю рынка занимают подделки

Коллекционные ценности

В последние два года арт-рынок снизил обороты. Это связано с серией громких скандалов, а также с тем, что торговля произведениями искусства остается закрытой и непрозрачной системой, где нет единых правил и тем более регулятора. При этом за последние десять лет объем рынка утроился, на него вышли новые игроки.

— инвестиции —

Культурная революция

Торговля произведениями искусства — это глобальный рынок с многомиллиардным оборотом, сумма сделки может достигать \$500 млн. Так, по данным Bloomberg Businessweek, в феврале 2016 года миллиардер и основатель хедж-фонда Citadel Investment Group Кеннет Гриффин приобрел у фонда магната Дэвида Гейффена две картины — произведения Виллема де Кунинга и Джексона Поллока — за \$500 млн.

Что касается общего оборота арт-рынка, то по итогам 2015 года экономист Клер Макэндрю (автор ежегодного отчета TEFAF о состоянии арт-рынка, одного из главных источников статистической информации об этой сфере) оценивает его в \$63,8 млрд. Данные за 2016 год пока не опубликованы, но ряд аналитиков полагает, что рынок мог сократиться до \$60 млрд. Такой прогноз в сентябре публиковал американский деловой журнал Fortune. Добавим, что в 2015-м рынок продемонстрировал снижение на 7% по сравнению с предыдущим годом. Не последнюю роль в этом сыграли громкие скандалы и разоблачения торговцев искусством. Следствием стали кризис доверия и отток инвесторов из этой сферы.

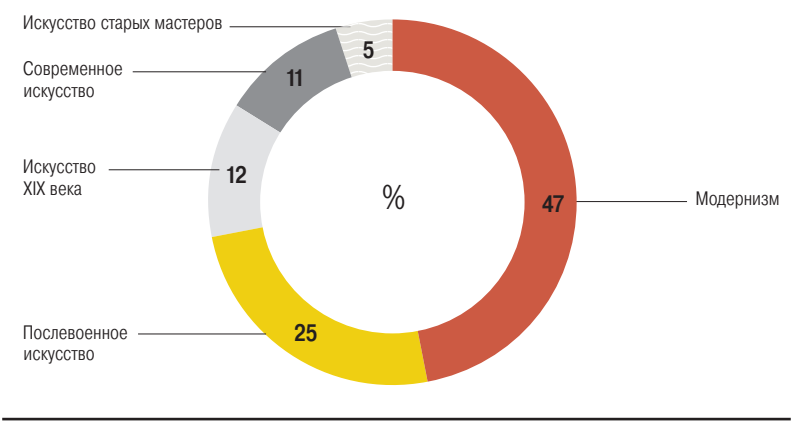
Однако еще несколько лет назад покупка работ выдающихся художников или скульпторов воспринималась как надежное вложение, особенно если речь шла о «первых именах», то есть авторах, чьи работы представлены в крупнейших музеях мира: Клод Моне, Пабло Пикассо, Энди Уорхол. Разумеется, спросом пользовались и представители локальных художественных школ — активно развивались рынки русского, китайского, латиноамериканского искусства, однако там неизменно действовала закономерность: русские покупают русских, китайцы китайцев и так далее. В то же время приобретение работ «первых имен» означало доступ на интернациональный рынок.

Наиболее прибыльными сегментами арт-рынка традиционно считаются импрессионисты и искусство XX века. По итогам 2015 года самым успешным стало как раз послевоенное и современное искусство, на него приходится 46% продаж, а общий оборот составил \$6,8 млрд. Второй по значимости оказалась категория

«Искусство импрессионизма и модернизма», на нее пришлось 30% продаж, а общий оборот был оценен в \$4,5 млрд. «Это „голубые фишки“ мирового арт-рынка, которые всегда в цене, — еще год назад говорил журналистам Денис Лукашин, консультант, специализирующийся на оценке и экспертизе произведений искусства. — Предметы искусства — невосполнимый ресурс: еще раз Модильяни ничего не напишет, новых картин Ван Гога уже не будет. Поэтому такие работы, естественно, интересны с инвестиционной точки зрения».

Надежность вложений в произведения искусства казалась неопровержимой истиной, которая подтверждалась неуклонным ростом цен и новыми аукционными рекордами. Даже малоизвестная картина, например, Пикассо, стоившая на рубеже веков менее \$1 млн, спустя пять-шесть лет продавалась уже в десять раз дороже. Что уж говорить о раскрученных работах этого же мастера вроде картины «Алжирские женщины», которая ушла с молотка за \$179,4 млн на аукционе Christie’s в 2015 году, став самым дорогим произведением искусства, когда-либо проданным на публичных торгах. Хотя аукционные дома гарантируют своим клиентам полную конфиденциальность, уже через неделю имя покупателя стало известно газете New York Post. «Алжирских женщин» приобрел бывший премьер-министр Катара миллиардер Хамад бен Джасим бен Джабер аль-Тани, проживающий в Лондоне. Произведения искусства коллекционируют и действующие первые лица Катара, а также лидеры других стран Персидского залива. Бум на арт-рынке в последние полтора десятка лет во многом их заслуга.

АУКЦИОННЫЙ ОБОРОТ ПО СЕГМЕНТАМ АРТ-РЫНКА В 2015 ГОДУ

прямая речь

Вы в произведения искусства готовы инвестировать?

Борис Минц, председатель Совета директоров инвестиционной компании O1 Group, основатель Музея русского импрессионизма:

— Я уже почти 20 лет инвестирую в искусство. Так вышло, что я заинтересовался именно русской живописью и довольно долгое время собирал личную коллекцию. Но мне показалось, несправедливым по отношению к замечательным русским художникам, создавшим столько шедевров, что их никто не видит. Поэтому вариант создания музея мне казался наиболее логичным. Частный музей — дорогая история. Это десятки миллионов долларов. Кроме того, музей необходимо содержать, пополнять коллекцию. Безусловно, у музея есть бизнес-план, он будет развиваться и зарабатывать, но очевидно, что он никогда не окупится в финансовом смысле. К инвестициям в искусство можно применить тот же подход, что и к любым другим видам инвестиций. Главное — осмысленный выбор при принятии решений о покупке того или иного произведения искусства. Хорошо, если есть команда консультантов, которые понимают тренды, знают рынок, разбираются как в современном, так и в классическом искусстве и могут оценить предложение. Вряд ли Щукин, собирая свою коллекцию в начале прошлого века, потратил на нее порядка \$10 млрд, однако такова ее нынешняя стоимость. Искусство всегда растет в цене. Можно собирать и старых мастеров, например голландцев. Стоимость хорошей коллекции всегда будет выше, чем каждой картины в от-

дельности. В России не так уж мало людей, инвестирующих в искусство, я лично знаю многих, кто покупает прекрасные работы по \$3–5 тыс. Конечно, коллекционеров, способных потратить миллионы на одно произведение искусства, у нас немного. Для этого должны быть свободные средства и определенный уровень дохода, так что здесь играют роль скорее экономические факторы. Коллекционер — это всегда человек увлеченный, и не важно, что он собирает — открытки, марки или картины. Он испытывает удовольствие от возможности ежедневного погружения в любимую тему, созерцания и радости от того, что есть вечные ценности, которые окружают его каждый день, а с годами они еще и растут в цене.

Василий Кузнецов, генеральный директор галереи Veresov:

— В России наберется максимум две сотни человек, кто может позволить себе инвестировать в искусство. Это хорошие инвестиции, ведь цена на картину никогда не упадет до нуля. Люди стали чаще покупать современное искусство, соцреализм, советский нонконформизм. Оно достаточно быстро растет в цене, через несколько лет такие картины можно продать в два-три раза дороже. Сегодня цены на картины упали, поэтому их стало достаточно выгодно приобретать. Но надо помнить, что цены на картину самостоятельно не растут, ее нужно специально продвигать на рынок, делая известной. Чем больше картина засветится, тем дороже станет. В России антикварный рынок рухнул в 2008 году, когда выяснилось, что почти 80% рынка — подделки. Начался серьезный спад, за картину, купленную за \$100 тысяч, давали \$2–3 тыс. Были потеряны миллионы долларов, и люди, пытавшиеся инвестировать в искусство, стали очень осторожными. Для подтверждения работы признанного мастера сейчас нужно получить десяток заключений от признанных мировым сообществом экспертов. А в 90-е было достаточно практически любой бумаги с печатью, любой неопытный эксперт мог провести анализ и поставить свою подпись. Сегодня самый

крупный арт-рынок в мире — Китай, там строятся музеи, проводится много выставок, и они очень много богатых людей. Там хорошо делают Фаберже. Там очень любят советское искусство, так что если заниматься продажей картин за пределами России, то там.

Михаил Абрамов, меценат, основатель Музея русской иконы:

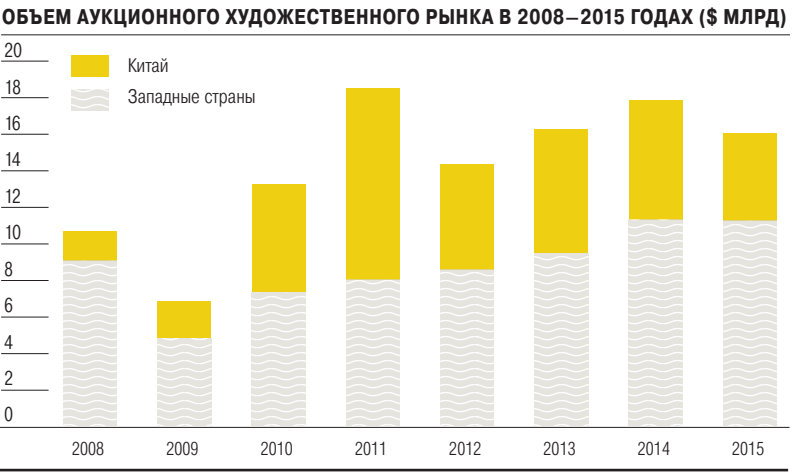
— То, что люди инвестируют в искусство, говорит, что общество оживает. Кто-то в просветительских целях организует частные коллекции, и они открыты для широкой публики. Потом такие частные коллекции могут быть подарены какому-то музею. А кто-то этим занимается, чтобы потом заработать на этом. Это нормально, главное, чтобы коллекции не вывозились из страны. В советские времена из музеев было своровано очень много произведений искусства, которое потом стремились вывезти за границу для продажи. И мы потеряли целый пласт культуры, посмотрите, сколько наших произведений искусства продается сегодня на известных аукционах. Наши музеи не активны в расширении, в них выставлены коллекции, собранные не самими музеями, а еще старыми меценатами — Щукиным, Морозовым, Рябушинским. Я готов инвестировать в искусство, но у меня другие цели. Я хотел не заработать на искусстве, а создать музей, аналога которому нигде нет. И мне это удалось, созданный музей древнерусского искусства существует уже много лет. В нем 12 залов, где в произведениях иконописи можно проследить историю от Византии до сегодняшнего дня. Это мой частный проект, созданный на собственные средства. Меня подтолкнуло к этому то, что во времена СССР с иконами поступали варварски, их жгли, рубили, а храмы взрывали. Последний храм, а это был храм Преображенского покла, Хрущев разрушил в 1964 году, а я его восстановил. Для меня все это чисто меценатский проект. В музее все бесплатно, и вход, и экскурсии. Там не ведется никакой коммерции. Главный принцип — не брать деньги. Я за то, чтобы подобные коллекции были публичными и доступными.

за, тогда как количество сделок увеличилось менее чем на четверть. А вот срок владения предметами искусства резко сократился, в среднем до нескольких лет. Это означает, что одни и те же картины и скульптуры перепродавались новым коллекционером по все более высокой цене.

Но очевидно, что долго так продолжаться не могло. Отсутствие четких правил игры и объективных критериев оценки произведений искусства, общая непрозрачность рынка заставили многих инвесторов задуматься о том, насколько справедливые деньги они платят, не переплачивают ли они за свои приобретения и смогут ли в будущем с выгодой их реализовать. Как выясняется, получить честные ответы на эти вопросы не так-то просто.

С кем вы, мастера культуры Одним из первых о необходимости регулировать рынок искусства заговорил знаменитый экономист и коллекционер Нуриэль Рубини, профессор Школы Стерна при Нью-Йоркском университете, спрогнозировавший кризис 2008 года (еще в 2006-м он предсказывал, что рынок недви-

жимости США рухнет). На то, что существует опасность превращения арт-рынка в теневую область для отмывания денег, Рубини указал на Экономическом форуме в Давосе в начале 2015 года. Он подчеркнул, что рынок искусства обязательно должен саморегулироваться или будет подвергнут внешнему регулированию. «Нравится нам это или нет, искусство используется для того, чтобы уклоняться от уплаты налогов. Оно может быть использовано для отмыва-

вещи не продал, пока такой нужды нет, слава богу, но когда я их покупал, всегда задумывался над тем, сколько она будет стоить много лет спустя. Надо помнить, что помимо уникальности и перспективности вложения произведения искусства, антикварные вещи, особенно из золота, не раз спасали людей в лихие годы. Продавая драгоценности, или обменивая их на ломоть хлеба, многие элементарно спасли себе жизнь. Что выбрать для инвестирования, каждый решает сам, и в силу личных пристрастий, и оценки перспектив подорожания в будущем. Здесь единого рецепта нет.

Андрей Кривенко, генеральный директор сети магазинов «Избенка» и «Вкусвилл»:

— Наверное, для кого-то вложение денег в произведения искусства и важно с точки зрения инвестирования в будущее, но для меня это сейчас не так. Я люблю любоваться картинами в музее, а не у себя дома. Возможно, эта позиция со временем изменится, но пока я как-то не связываю искусство с будущим, мне кажется, оно в настоящем.

Сергей Ястржембский, бывший помощник президента РФ:

— Было бы что инвестировать? Конечно, в искусство выгодно инвестировать практически в любое время. Главное — угадать тренд.

Юрий Каннер, президент Российской еврейской конгресса:

— Скорее все-таки нет. Во-первых, я в этом слабо разбираюсь. Во-вторых, моя дочь, зять, сын занимаются профессионально моим портфелем. И вот они уже занимаются инвестированием, но «экзотическим». Сын инвестирует в вино, и это оказывается очень прибыльным делом. Но есть знакомые, которые коллекционируют произведения искусства, — Рональд Лаудер, например. Он очень известный коллекционер, и, глядя на него, можно сказать, что инвестиции в искусство — вполне выгодное предприятие.

Каждый год на покупку произведений искусства тратятся сотни миллионов долларов. Но этот рынок по-прежнему нельзя назвать прозрачным